

АННА ЗЕГЕРС

Князь Андрей и Раскольников

Наполеоновская военная и идеологическая экспансия в романах «Преступление и наказание» и «Война и мир»

В газетах иногда можно встретить статьи о том, что, дескать, национал-социалисты даже в случае полного поражения постараются сохранить свою партийную организацию и, действуя в подполье, будут дальше распространять свои убеждения, особенно среди молодежи, для которой соблазнительно все «нелегальное». При этом они осмеливаются сравнивать своих приверженцев, которым суждено уподобиться адептам запрещенной секты, с ранними христианами, тайно собиравшимися в катакомбах. Нацисты в своей мании самовозвеличения нередко узурпировали такие понятия, которые в ходе истории стяжали народную любовь и уважение. Так как социализм обладал огромной притягательной силой для многих и многих масс людей, они коварно окрестили сами себя национал-социалистами, хотя настоящий социализм не имеет ничего общего с их целями. Представляется вполне возможным, что однажды (как уверяют упомянутые выше газетные заметки, пускай не слишком достоверные) нацисты попытаются соблазнить молодежь разговорами о тайном существовании в «катакомбах», потому что это слово вызывает в памяти времена преследования христиан, — хотя на самом деле нет ничего более противного господству национал-социалистических функционеров (которые как раз и хотели бы спасти себя всей этой болтовней), чем убеждение первых христиан в равенстве всех людей. Нацисты, скорее, помогли бы Нерону выкуривать христиан из катакомб. Писатель-антифашист, словом и оружием сражающийся с врагами, обязан отдавать себе отчет в том, что эта борьба

не завершится и тогда, когда будет достигнута военная победа, — если нацисты действительно размышляют о способах, какими они — после своего низвержения — в состоянии будут оказывать воздействие на умы. Так же дорого, как может стоить недооценка противника в военных условиях, будет стоить нам и недооценка заражающего влияния фашистских идей; причем от опасности подобного заражения не застрахованы даже люди, ныне храбро сражающиеся с фашизмом.

Если мы желаем выполнить нашу задачу в этой борьбе, мы не можем не обращаться к тому наследию, которое оставили нам лучшие писатели прошлого. Перечитывая их книги, мы обнаруживаем, что тема чужеземного вторжения представлена у них в двойной форме: во-первых, непосредственное изображение зримого факта, военной оккупации; во-вторых, изображение опосредованное, то есть такое, которое демонстрирует неявное, замедленное воздействие, оказываемое уже побежденным врагом, его идеологией. Как известно, писатели великой эпохи буржуазного романа — Бальзак и Стендаль, Толстой и Достоевский — каждый по-своему размышляли о феномене Наполеона, пожалуй, самом ошеломляющем феномене того века. И, как ни странно на первый взгляд, два романа, противоположные по своему стилю и художественному построению, «Преступление и наказание» и «Война и мир», затрагивают одну и ту же тему — тему Наполеона. В «Войне и мире» дана грандиозная картина нашествия наполеоновской армии и показано влияние этих событий на многих отдельных русских людей. Тема «Преступления и наказания» — болезнь Родиона Раскольникова: изолированный от всякой живой исторической реальности, он тем не менее оказывается заражен идеологией власти (идеологией «сверхчеловека» и «все позволено»), которая засела в умах молодежи еще со времен побежденного Наполеона. Подчеркнем: речь сейчас идет не об исторической оценке Наполеона (ведь в разные периоды его жизни — и для разных стран — его значение было разным), и даже не о художественных сравнениях и оценках. Оба названных писателя принадлежат к одному и тому же народу, и один из них показывает, как была достигнута прямая победа над врагом, а другой дает опровержение той идеологии, которая обязана своим происхождением тому же самому врагу. Получившиеся картины столь различны, что точки соприкосновения замечаешь не сразу.

Толстой, заботясь об исторической правдивости и желая сделать повествование о наполеоновском нашествии как можно более живым, тщательно изучал семейные предания, сохранив-

шиеся в среде его соседей-помещиков. Для Достоевского несущественны реальные, исторические взаимосвязи; давно сгинувшее нашествие в его романе даже не упоминается. И все-таки Раскольников был бы невообразим без легендарной эпохи наполеоновских войн — хотя они давно стали историей, слава их еще живет в умах. Обнищавшие молодые люди все еще находятся под обаянием наполеоновского мифа, они верят, что в то время можно было, обладая недюжинными способностями, сделаться из простого солдата генералом. Раскольниковы новых поколений усвоили ту мысль, что гению все позволено. Наполеон достиг величия, из бедного лейтенанта он сделался императором, потому что не задумываясь шагал через любые препятствия. Он покорила Европу — пусть при этом он усеял поля битв горами мертвецов.

Раскольникову казалось, он тоже способен достигнуть власти и богатства — стоит только убить старую ростовщицу, ничтожное, омерзительное, никому не нужное создание, убить ее, отбросив бессмысленные угрызения совести, не подобающие гениальному человеку. Он рассуждает о ней примерно так, как сегодня член гитлерюгенд думает о каком-нибудь презренном существе «низшей расы», не являющемся для него человеком: ведь это всего-навсего вошь. Подруга Раскольникова, изведавшая много страданий и сознающая свою опасную близость к «низшей расе» (она сама — уличная проститутка), говорит ему: «Это человек-то вошь?»

Персонаж, который выступает антагонистом Раскольникова и разоблачает его, представлен в романе как следователь, опирающийся не столько на улики, сколько на статью, однажды помещенную Раскольниковым в газете. Заподозрив сочинителя, следователь вовлекает его в разговор, в ходе которого просит назвать отличительные признаки сверхчеловека, которому, дескать, все позволено. Как полагает следователь, он понял, что такое сверхчеловек, однако не может понять, каким образом возможно каждому узнать о себе, является ли он сверхчеловеком. Раскольников вначале был убежден в том, что отличительная черта такого «Наполеона», сверхчеловека (или, выражаясь языком гитлеровцев, «высшей расы»), заключается в следующем: подобный человек способен с полным хладнокровием измыслить и осуществить любой шаг, необходимый ему для возвышения, и не будет ощущать раскаяния. Именно тут и терпит крах сам Раскольников — терпит крах, потому что испытывает раскаяние, а из этого следует, что он принадлежит не к «высшим людям», а просто к людям, с присущим им инстинктом правды и неправды.

В романе «Война и мир», который Ленин считал величайшей из русских книг, есть место, где описывается окончательное излечение человека от владевшего им прежде тайного преклонения перед Наполеоном. Хоть князь Андрей — русский офицер, причем храбро сражающийся против Наполеона, однако и он подвержен обаянию культа власти. Но когда он, окровавленный, лежит на Бородинском поле среди стонущих и искалеченных, он вдруг видит над собою небо, вечное и нерушимое¹. Именно оттого, что он лежит распростертый на земле, он видит небо во всем блеске и чистоте — таким, каким никогда не увидят его гордецы, уверенно шагающие вперед. И он прозревает, начинает сознавать величие и вечность, не имеющие ничего общего с тем мнимым величием, каким старается окружить себя мирская власть. В истории русской литературы эту страницу причисляют к тем, где «чище всего запечатлелась чистейшая поэзия». Не в последнюю очередь оттого, что здесь совокупно выразилось присущее человеку стремление к этической и эстетической истине. Достоевскому подобной страницы было бы не написать. Здесь нет возможности рассуждать, почему. Зато весьма уместно будет упомянуть, каким образом Раскольников излечивается от своего маниакального стремления к власти, снедавшего его подобно смертельной болезни. От этой смертоносной идеологии он освобождается не на поле боя, не в результате физической раны, а в жалком углу, в убогой комнате, где бедная девушка заставляет его почувствовать раскаяние — чувство, недостойное сверхчеловека, как он полагал ранее. Соня была дружна с сестрой убитой ростовщицы, той самой сестрой, которую он в силу стечения обстоятельств тоже вынужден был убить. Ее убийство было не предусмотрено. Объяснить такое убийство теорией было бы невысказано, так как эта вторая, случайная жертва именно что не была «вошью», не была «недочеловеком» в чистом виде.

Отрицание идеологии «власти и величия» у обоих писателей, и особенно в упомянутой сцене романа Достоевского, основывается на христианском мировоззрении. Многие люди нашего времени чувствуют себя свободными от религиозной веры — не потому, что они не признают этических норм, которым учит религия, а потому, что руководствуются новыми, более развитыми этическими требованиями, отвечающими современной эпохе. Фашистская идеология отмечена страшным движением вспять: она не желает признавать вообще никакой этической ценности человека и человеческой жизни. Поэтому неудивительно, что в борьбе с фашистской реакцией объединяются сегодня все силы,

все движения, религиозные и нерелигиозные, — достаточно того, что они признают значимость этических требований.

В «Преступлении и наказании» девиз «все позволено» значит и над грандиозной попыткой Наполеона покорить себе весь мир, и над нелепым опытом бедного студента, попробовавшего перешагнуть через все внутренние преграды, мешающие ему сделаться богатым и знаменитым. В «Войне и мире» наполеоновское нашествие вторгается в том числе и в частную жизнь, в повседневное существование различных групп людей, судьбы которых оказываются взаимосвязаны с единой, единственной судьбой народа и отечества. Нашествие всем приносит общую беду и всех побуждает к общему сопротивлению. Раскольников же существует в бессобытийном, безысторическом времени. Он частным образом разыгрывает жалкий, бессвязный эпилог. Подобно заразной бацилле, мечта о власти и победе отравила его мышление и поведение.

Гете, написав «Страдания молодого Вертера», невольно вызвал эпидемию самоубийств среди современников. Достоевский доводит своего Раскольникова до абсурда. Его немецкий переводчик Меллерванден Брук в предисловии к роману и в других своих сочинениях вновь подхватил девиз «все позволено». Он помог обоснованию гитлеровской идеологии; подобным же образом он популяризировал понятие «Третий Рейх»².

Сегодня страны и народы задыхаются под тяжестью гитлеровской вины. Как будет выглядеть искупление — пока не ясно. Каким образом привести немецкую молодежь к осознанию преступления и наказания — вероятно, это и есть самый трудный из всех вопросов, стоящих перед нашим поколением.

